УДК 338.24+1

С.В. Комаров

СМЕНА ТИПА МЫШЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ: ФИЛОСОФСКИЙ КЛЮЧ

Рассматриваются основания парадигмы современного управленческого мышления. С помощью когнитивной карты определены основные проблемные поля современного менеджмента. Показано, что основные ограничения этого типа мышления задаются античной парадигмой противопоставления сущности и бытия вещи, причины и цели, теории и практики, разума и рассудка. Указывается, что современное инновационное развитие требует новых знаний и отказа от фундаментальных оснований, задаваемых античной парадигмой мышления. Рассматриваются основные черты типа мышления в современном менеджменте: синтетичность, мышление как деятельность, рефлексивность и самоопределение.

Ключевые слова: *управление, инновации, мышление, знание, сущность, цель, причина, проект, средства, результат, эффективность, рефлексия, самоопределение.*

Менеджмент является ключевой формой деятельности для развития всего общества. Версия «Менеджмент 2.0» [1, с. 91], выдвинутая гуру современного управления, связана не только с проблемами самого менеджмента – теории и практики современного управления, но и с основаниями самого современного цивилизационного процесса вообще. Глубокий анализ этих положений показывает, что поиск новой парадигмы менеджмента требует пересмотра основных положений и ценностей управления. А это невозможно без осознания фундаментальных оснований самого *типа мышления*, лежащего в основе принятия решений вообще.

1. **Когнитивная карта современного менеджмента.** Для выявления проблематического поля определенной сферы деятельности часто используется понятие когнитивной карты. Когнитивная карта – это основные проблемы и вопросы, от решения которых зависит развитие той или иной сферы деятельности. «Элементами» или «узлами» такой когнитивной карты выступают соответствующие проблемные области, которые выделяют эксперты в области современного менеджмента.

Эксперты выделяют следующие «элементы» (проблемные области) современного менеджмента (рис. 1)[1].

Скорость. Скорость изменений в современном обществе, похоже, подходит к пределу восприятия и вообще человеческих возможностей. Техниче-

© Комаров С.В., 2012

Комаров Сергей Владимирович – д-р филос. наук, проф. кафедры менеджмента и маркетинга Пермского национального исследовательского политехнического университета.

[1] См. работы Р. Нэйсбитта, М. Дери, Д. Эванса, Дж. Дэя и др.

ские изменения, скорость перемещений, постоянная смена информации и культурного контекста, скорость смены сообщений и т.д. являются не только возможностью для развития, но очевидным образом ставит вопрос о его пределе. Может ли человек жить в постоянной и ежедневной смене контекста своего существования? Каковы пределы изменений вообще? Что должно оставаться постоянным и неизменным в этих переменах? Каким вообще может и должно быть управление изменениями? Вопрос о скорости есть фундаментальный вопрос о *времени*, т.е. вопрос о конечности существования человека и его самоидентификации.

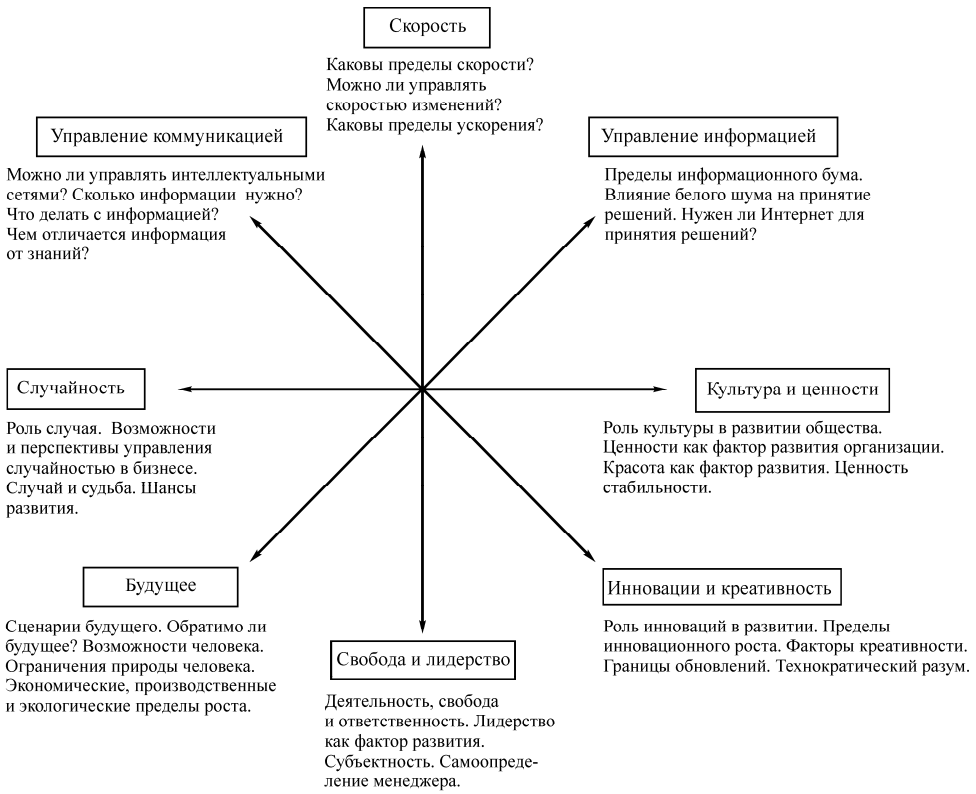

Рис. 1. Когнитивная карта современного менеджмента

Управление информацией. Развитие Интернета и информационной техники приводит к резкому увеличению потока информации, возможности к «переработке» и «перевариванию» которой все сокращаются. Количество информации многократно превышает необходимость ее для принятия решений. Возрастает мера информационного «шума», и проблемой становится определение полезной информации. Увеличение информационного пространства и свободный доступ к информации (базы данных, виртуальные сообщест-

ва, облачные вычисления, различного рода сети) приводят к девальвации знания и деградации определенных способностей человека. Как связано существование в постоянно увеличивающемся потоке информации с антропологическими основаниями человека? Для современного менеджмента вопрос об информации в действительности является вопросом о *знании* и об основаниях принятия решений.

Управление коммуникаций. Еще одна проблемная область современного менеджмента связана с количеством коммуникативных контактов в повседневном и профессиональном существовании современного человека. Виртуальные и невиртуальные социальные сети, с одной стороны, подходят к пределу психологических возможностей человека, с другой стороны, «задают» возможности более эффективного развития бизнеса (теории фрактального предприятия, сетевого бизнеса, «домашней экономики» и т.д.). Для современного менеджмента вопрос об управлении коммуникацией связан не с прагматикой повседневной коммуникации, но с осознанием того, что одним из условий принятия решений и развития бизнеса выступает *неформальное и неформализованное (контактное) знание*.

Будущее как фактор управления. Образ будущего выступает не просто как «желаемое» состояние, но фактор, определяющий, направляющий и организующий саму человеческую деятельность. Иначе говоря, образ будущего есть инструмент менеджмента, «задающий» его возможности, и мера эффективности его развития. Инструменты традиционного планирования, задающие движение от «настоящего» в «будущее», оказываются неадекватными именно потому, что сам образ будущего оказывается лишь экстраполяцией образа настоящего. Технологии Vision, сценарного планирования, экспертного картирования, теории перспектив и т.д., в современном менеджменте являются поисками адекватного инструмента определения «образа» будущего как инструмента развития.

Случайность. Кризисность развития общества обнаруживает роль случая в современном управлении [2]. Признание действия случайных аттракторов для современного менеджмента означает отказ от парадигмы поступательного, закономерного, нарастающего, экстенсивного развития. Это порождает амбивалентное отношение к катастрофичности случая. «Одураченные случайностью» полагаются на поиск нового, более точного знания или полный отказ от него. В первом случае ставится амбициозная задача «управления случайностью», во втором случае случайное событие рассматривается как шанс радикального изменения. Но в любом смысле для современного менеджмента вопрос о случайности – это вопрос о *возможности* развития.

Культура и ценности. Возможность развития связана не только с образом будущего или случаем-шансом, открывающим подлинное лицо нас самих, но с нашей готовностью к изменениям. Иначе говоря, с культурой и цен-

ностями организации. Организационная культура и ценности определяют психологический климат в организации, отношения к инновациям, развитие креативности и инициативы работников, выступают как фактор стимулирования или торможения развития компании. Попытки формирования и управления организационной культурой связаны с трансформацией ценностей работников в направлении «принятия» ими ценностей организации. Такое «совпадение» включает мощный источник внутренней мотивации работников, бесплатный ресурс для организации [3]. Однако проблема в том, что индивидуальные и коллективные ценности, «укорененные» в индивидуальном и коллективном бессознательном обладают фундаментальной устойчивостью по отношению к внешним организационным воздействиям. Вопрос о культуре и ценностях для современного менеджмента – это вопрос об основаниях *управления поведением* работника.

Инновационность и креативность. Современное технологическое развитие ведет к сокращению времени на создание и распространение продуктов, технологий, идей и ценностей, образцов поведения и деятельности. «Мода» есть симптом и фактор общества потребления (XIX век); «инновация» есть симптом и фактор современного общества (конец XX – начало XIX века). Вопрос не в самом потреблении, а в изменении его характера – потребление становится основанием самого социального бытия[2]. Креативность и инновационность являются условием воспроизводства современного общества [4, 5]. Для современного менеджмента это есть вопрос об *эффективности* и *продуктивности* (*результативности*) производства. А именно, во-первых, вопрос о соотношении затрат и требуемой новизне полученного продукта, во-вторых, вопрос о его потенциале к долгосрочному развитию (возможности развития кластера инновационных продуктов и их дальнейшему тиражированию). В конечном счете, это есть вопрос о конкурентоспособности.

Свобода и лидерство. Креативность означает не только способность к творчеству. Ключевой проблемой инновационного развития оказывается способность к самоопределению менеджера, выбору им пути своего саморазвития, пересмотру своих ценностей и изменению своих установок. Самоопределение означает рефлексию относительно своих целей и ценностей, возможность переопределения их и свободу целеполагания. *Свобода целеполагания* выступает как действительная *причина* деятельности и поведения менеджера. Но это не только фактор его личностного и профессионального развития, но и фактор развития всей организации, поскольку поведение ме-

[2] Производство – основа социального бытия; потребление – есть лишь способ восстановления рабочей силы для производства (труда). Однако в современных условиях – благодаря высокотехнологичности самого производства – основанием становится именно потребление. Отношение между производством и потреблением приобретает «превращенную форму»: потребление становится не только основной формой существования человека и проявления его «сущностных сил» (К.Маркс), но и основанием производства.

неджера формирует образцы поведения для других работников. Вопрос о свободе и самоопределении для современного менеджмента выступает как вопрос о *лидерстве*[3].

Строго говоря, когнитивная карта не плоскостное, а объемное (сетевое) представление проблемных полей современного менеджмента. Суть дела в том, что эти проблемные поля не просто взаимосвязаны, но взаимно детерминируют друг друга[4]. Трудность, однако, не в динамической взаимосвязи этих проблемных областей современного менеджмента, которую невозможно полностью отразить на двумерной или трехмерной матрице. Суть дела в том, что проблемные поля когнитивной карты современного менеджмента связаны с глубинными установками европейского (греческого) мышления вообще. Возможности и ограничения развития современного менеджмента связаны с осознанием и изменением самих принципов управленческого мышления.

2. Основания современного менеджмента и греческая философия. В греческой философии изначально закладываются рамки или границы мышления того, что можно или нельзя мыслить. Это некоторые не рефлектируемые основания, из которых исходит западная мысль, которые принимаются ею за само собой разумеющееся; мы думаем, исходя из них, но едва ли осознаем их.

К таковым основаниям относятся идея эйдосов-образцов-целей, приводящая изначально к разделению мира на мир идей и мир вещей, к разделению онтологии на теорию и практику. В основе греческого мышления лежит взгляд, обращенный к образцу [6, с. 11]. Каждая вещь имеет свою *сущность*, которая и определяет динамическое существование вещи. Для античного человека все существующее находится в бесконечном динамическом процессе изменения. Поэтому сущность вещи выступает, прежде всего, как его εἶδος – полнота его воплощения и его подлинное, развернутое, осуществленное бытие. Наличное бытие вещи есть конкретное единство действительности и возможности вещи, актуальности и потенциальности ее существования, уже наличной осуществленности и еще не воплощенности в фактическое существование [7, с. 241–242]. Эйдос выступает здесь как идеальная форма полноты

[3] См., например: Манфред Кэ деВри. Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта. М.: Альпина Паблишер, 2003.

[4] Так, скорость изменений определяет рост информации и сама обусловливается ею; управление коммуникацией связано с ростом информации и сама является источником развития информационных (интеллектуальных) сетей; неформальное общение формирует те или иные образы будущего и, в свою очередь, являются «элементами» этого общества (концепции информационного и постинформационного общества); случайные аттракторы «корректируют» образы будущего и определяют его, а деятельность, определяемая теми или иными планами-образами, порождает новые случайные события; образы будущего во многом определяются культурными ценностями, а сами ценности есть то, что позволяет самоидентификацию и самоопределение человека, в том числе и определение желаемого будущего; эффективность и результативность деятельности определяется ее целью, которая может связывать развитие с обновлением и креативностью, а может и запрещать их; в этом случае обнаруживается ценность инноваций и их связь со временем и скоростью изменения; лидерство определяется ценностью обновления и, как образец поведения, формирует отношение ко времени, и т.д.

существования; он составляет как бы «возможное» существование вещи. Развитие вещи осуществляется как энергетическое напряжение между актуально-неполным фактическим существованием и потенциальной полнотой воплощения-осуществления. Именно этот разрыв между фактической наличной неполнотой осуществления вещи и возможностью ее идеального осуществления и порождает устремление и силу развития.

Однако греки четко различают природу (φυσις) и деятельность (τεχνη); и то и другое есть *разные способы понимания* существования вещей. «Природа» означает саморазвитие, т.е. развитие под воздействием «внутренних» причин. *Причина* есть именно внутренний разрыв между наличной фактичностью вещи и возможностью ее осуществления («то, почему или вследствие чего»). «Деятельность» означает развитие по цели, где источником динамического изменения является эйдос как внешний образ («то, ради чего»). *Цель* (τελος) здесь идеальная форма, которая выступает как образец для воплощения в реальной действительности.

Такое двойное понимание существования вещи прослеживается в двойственности природы и деятельности, причинности развития и целеполагания деятельности, эффективности и продуктивности деятельности, времени как процесса и времени как момента, случая как разрыва и случая как события, знания как «теории» и знания как «практики», наконец, мышления как рассудка и мышления как разума.

Вообще говоря, и причинный и целевой способы объяснения существования вещей равноправны. Поэтому, согласно Аристотелю, можно рассматривать существование вещи, с одной стороны, как ее «самодвижение» и раскрытие ее внутреннего потенциала, а с другой стороны, как «действие» и целенаправленное управление в соответствии с целевым образцом. При этом «саморазвитие» выступает как *естественный* процесс развития вещи, как ее постепенное изменение; объяснение динамики такого изменения осуществляется через понятие энергии (энтелехийи). «Действие» выступает как искусственный процесс, это искусство (*техника*) направления или преобразования изменений в соответствии с внешним образцом. Здесь изменение осуществляется через понятия цели и воли [6, с. 46–54]. Как можно «заставить» объективную вещь изменяться? Только если сам образец-«эйдос» выражает возможность ее изменения. Тогда преобразование будет выступать как действия по созданию условий для раскрытия внутреннего потенциала вещи в соответствии с этим образцом. Деятельность в отличие от саморазвития есть деятельность по средствам: *средство* (от слова *среда*) есть изменение внешних условий для проявления потенциала вещи. Средство есть инструмент изменения *внешней формы* вещи.

Для человеческой деятельности целевое причинение является основополагающим: мы сами выстраиваем идеальную форму (εἰδος), которую затем

ставим перед собой как цель (τελος), и дальше действуем, стараясь осуществить эту цель, сделать ее фактом реальной действительности. Эйдос задает образец стремления нашей воли, основание плана деятельности и направляет волю при придании реальной действительности его *формы*. Функция образца состоит в том, чтобы задавать «теоретическую» модель, которой должна быть подчинена «практическая» деятельность. Отсюда следует само разделение «теории» и «практики», φεωρια'и и πραχις'а. Это различение миров означает подчиненность реального мира миру замысла, идеальному миру. Сама модель (είδος) есть основание для подчинения ей материального мира. Практическое применение модели есть доказательство ее *эффективности*. Эффективность есть возможность изменения действительности в соответствии с идеальным образцом, возможность подчинения действительности соответствующему образцу.

Действительность всегда отличается от модели, не «совпадает» с ней, сопротивляется своему «определению» со стороны этого идеального образца. Поэтому само понятие эффективности двояко. Понятие эффективности означает «эффект», т.е. само *явление* нужного изменения вещи. И здесь эффективность всегда означает меру между самим явлением изменения, т.е. желаемым результатом, и используемыми при этом средствами. Деятельность эффективна, если полученный результат «совпадает» с желаемым, с образцом; действие осуществилось в соответствии с образцом-эйдосом. Деятельность неэффективна, если результат серьезно отличается от желаемого образца. Почему это произошло? Это может быть или в случае неправильных действий или в случае использования неверных средств. И в том, и в другом случае действия-средства не соответствовали требуемому результату, задаваемому образцом. Поэтому *эффективность означает соответствие между действиями-средствами и целью, между затратами и полученным результатом*. В этом смысле понятие эффективности есть *ретроспективное понятие*, потому что его внутренней характеристикой является *время* как сам процесс расходования средств на достижение нужного результата. Эффективность здесь есть мера производительности *процесса* деятельности: соотношение нужного результата в единицу времени, соотнесенное с соответствующими затратами. Эффективность характеризует поэтому возможность *выбора средств*. Такое понимание эффективности лежит в основе самого европейского мышления как его фундаментальный архетип.

Но в таком мышлении имеется возможность и другого понимания эффективности, а именно «результативности» и «продуктивности» преобразований. Мера эффективности может задаваться не соответствием потраченных ресурсов на достижение результата, а качеством самого результата для дальнейшей деятельности и развития. Отсутствие нужного результата в этом случае связано с тем, что поставленная цель неполно выражала потенциал разви-

тия вещи, а потому полученный результат не выразил, не раскрыл полноту возможного осуществления вещи. В отличие от «эффективности», которая связывает *результаты* со *средствами*, «продуктивность» связывает *результаты* с *целью*. Такое понимание означает двойственный характер самой цели-эйдоса. Цель может выражать желаемый результат деятельности, связанный с наличием соответствующих средств; в этом случае раскрытие внутреннего потенциала вещи осуществляется «по природе» этих средств. Цель может выражать желаемый результат деятельности, раскрывающий внутренний потенциал развития самой вещи; в этом случае цель-образец должна внутри себя содержать «знание» энергейи вещи, соотношения ее актуального и возможного развития. Тогда раскрытие внутреннего потенциала вещи осуществляется в соответствии с ее «природой». Это и есть «продуктивность» как полнота осуществления самой вещи и реализация в этом осуществлении целевого образца. Другими словами, продуктивность есть возможность *выбора целей*. В этом смысле понятие продуктивности есть *перспективное* понятие, потому что его внутренней характеристикой является время как сам процесс осуществления действия по раскрытию потенциала (развитию) вещи. Продуктивность здесь есть мера производительности *результата* деятельности, а именно не только реализация актуальной возможности в действительность, но и создание новой возможности для дальнейшего целеполагания и развития.

Это предполагает иное понимание времени. Время есть само актуальное бытие сущей вещи. Это «процессуальное» время как характеристика развития-раскрытия потенциала вещи и характеристика развертывания последовательности актов деятельности. Бытие вещи есть ее временение как последовательный переход от одного ее состояния к другому в результате внутренних причин развития или внешних целей деятельности. Поэтому мерой времени является понятие *процесса* как целостности всех состояний вещи в ее полном осуществлении от «зарождения» до полноты воплощения эйдоса. Однако есть еще и время *момента* (Augenblick), которое выступает как мера данного состояния вещи. Каждый момент времени характеризует состояние вещи не только как действительный момент достигнутого, действительный момент осуществленного; настоящее есть не только граница между прошлым и будущим, между уже реализованным и еще не реализованным в процессе осуществления. Каждый момент процесса есть актуальное соотношение актуального и потенциального; каждый момент процесса есть единство актуализированного актуального и актуального потенциального, уже осуществленного действительного настоящего и настоящего как беременного возможностью стать другим. Поэтому *момент* времени есть такая действительность и такое настоящее, которое, с одной стороны, есть реализованное будущее своего прошлого, а с другой стороны, настоящее своего еще не реализован-

ного будущего. Это означает, что время есть единство процесса и момента. *Эффективность как характеристика времени есть характеристика процесса как соотношения необходимости/действительности; продуктивность как характеристика времени есть характеристика момента как соотношения действительности/возможности*. Процесс указывает на достигнутое и актуальное, момент времени – на возможность развития.

Такое понимание временности деятельности приводит к пониманию важной роли *случая*. Случай (καιρος) есть такой момент развития, который открывает новые перспективы. Поэтому *случай есть событие*; событие как совместное (в одном месте) существование иной возможности развития вещи или развертывания деятельности, как бы параллельную (наряду) возможность осуществления. У греков двойственное отношение к случаю. Случай есть то, что вмешивается в процесс развития, нарушает – вплоть до разрушения – его закономерности; случай заставляет изменять цели деятельности. Поэтому, во-первых, хотя случай есть обнаружение новых возможностей, но независимо от знания закономерностей развития сущего или целесообразной деятельности. Иначе говоря, случай, открывая новые перспективы, есть *удача*, которой следует воспользоваться; однако знать и полагаться на случай нельзя. Случай есть игра социальных и интеллектуальных сил. Использование случая требует не знания, а хитрости-ловкости как интуиции комбинирования средств там, где исключена возможность использования образца, где нет готовых правил и твердых рецептов[5]. Отсюда, во-вторых, в греческом мышлении присутствует иное понимание случая: случай есть событие встречи как открытия новой перспективы. Это означает понимание случая как обратной стороны необходимости, т.е. выражения закономерности развития сущего или целесообразной деятельности. Поэтому случай есть не только неполное знание о закономерности существования, но и открытие иных возможностей существования сущей вещи, условие изменения целевого образца деятельности. Изменение закона существования вещи может быть только его естественным изменением, только выражением еще не выраженного, а потому является раскрытием потенциального, т.е. новым соотношением действительности и возможности вещи. Это новое «знание» должно быть включено в новый образец, должно скорректировать цель деятельности.

Но это значит, что имеется «разрыв» между знанием есть выражением сущности вещи и закона ее существования, с одной стороны, и реальностью ее воплощения или осуществления в практической деятельности, с другой.

[5] Хитрость (Метида) играет большую роль в греческом мышлении, однако мы не найдем теории хитрости. Хитрость определяет подвижное и неуловимое, а значит, не поддается отливанию в форму, воспроизведению в образец, исключает возможность отожествления и закрепления, привязки к бытию. И именно потому, что она носит исключительно эмпирический характер, она – элемент изменчивого мира. Поэтому хитроумию было суждено навсегда остаться за пределами того, что составляло ядро эллинской мудрости.

Какие знания в таком случае требуются? Во-первых, знания причин, знания сущности самой вещи, знания законов ее развития. Во-вторых, знание целей, знание тех действий, которые нужно производить с вещью, знание средств, которые нужно использовать. Но цель-образ есть не только «желаемое» самой деятельности, но, прежде всего, «желаемое» в соответствии со знанием сущности вещи. Сначала – познание, потом – создание. «Φεωρια» – это умозрение, продуктом которого является знание; «πραχις» – это «искусство», которое основывается на умениях и навыках, опыте работы. Поэтому необходим «посредник» между «теорией» и «практикой». Разрыв между ними Аристотель ликвидирует с помощью введения особой интеллектуальной способности, которая непосредственно подчиняет себе практическую деятельность, включая и деятельность управления. Такая практическая мудрость есть «рассудительность» (φρονησις) [8, с. 176–177, 180–181]. Она, с одной стороны, не есть наука, поскольку занимается отдельными случаями, а не общими законами, с другой стороны, она не есть и «искусство», поскольку нацелена именно на практическое действие. Развитие европейской цивилизации основывается на этом различии между наукой, объяснением причин, и инженерией, связанной с целеполагающей деятельностью. Хотя инженерия и управление основываются на научных знаниях, их практическое применение всегда остается открытым вопросом. Если «теория» довлеет технологичности, то «практика» требует креативности.

Это означает, что целеполагание, практическая деятельность, ориентация на креативность требует другого *типа мышления*, другого строя мышления. Собственно мышление – это созерцание сущностей вещей; это разум (νους). Поскольку сущности вещей есть эйдосы, постольку разумение и есть взгляд, устремленный к образцу-идеалу. Поскольку среди вещей мира есть сам разум, постольку созерцание деятельности самого разума есть мышление мышления, самосозерцание, усмотрение эйдоса самого разума.

Предмет «рассудительности» – другая сторона мыслящей души. Это есть не созерцание неизменных сущностей, но «схватывание» отличий, изменений, расхождений между образцом и непосредственным воплощением его в вещи. Это значит, что «рассудок» движим «разумом», но направлен на другое. Если в научном плане функция души – созерцать окружающий мир таким, каким он предстает нашему умственному взору, мир, который не может быть изменен, то своей рассуждающей частью душа смело производит расчет уместных действий в постоянно изменяющемся внешнем мире. В расчет принимается «способность суждения» (γνωμη), способность ориентироваться на практике, соблюдая истинные правила. Действовать – это значит применять средства, обеспечивающие достижение поставленной цели; в основе противопоставления «средства» и «цели» лежит именно «рассудительность» как умение выбирать. В деятельности, с одной стороны, всегда на горизонте пре-

бывает то, что является пределом и целью, к чему устремлен пристальный взгляд разума, с другой стороны, под рукой (vorhanden sein) всегда имеется набор средств, готовый веер ресурсов.

Все медитации на тему теории и практики, которыми западная философия не уставала предаваться со времен Платона и Аристотеля имеют одно и то же место – разрыв между реальностью и ее образцом. Греческий (западный) путь создания и воплощения образцов лежит через противопоставление бытия и сущего, сущности и явления, эйдоса и вещи, идеального и реального миров, и как результат – «средства» и «цели». Можно изменить сами рамки, изменить одну из сторон, но выйти за рамки такого мышления трудно. Даже сегодня те, кто ищет новые модели в области науки управления, не могут обойти этого отношения. Очевидно, что именно эти рамки мысли лежат в основе проблемных полей современного менеджмента.

3. Образование и инновации. Развитие современного менеджмента требуют выхода за рамки такой парадигмы. Во-первых, требуется иное *знание*, во-вторых, требуется иное *мышление*.

Изначально образование в европейском мышлении есть процесс формирования самостоятельной человеческой личности. Это связано с формированием (die Bildung) образа человека в душе. Если высшей способностью считается разумение как самосознание, то оно есть самосозерцание, т.е. созерцание себя самого и самовоспитание. Поэтому вся европейская культура от Аристотеля до Песталоцци и Гумбольдта строится как культура самосознания. Для культуры Нового времени образование есть, прежде всего, воспитание: знания должны задавать образцы поведения и деятельности. Умение пользоваться знаниями (о-своение и у-своение знаний) означает готовность к практикованию социального бытия. Образование выступает как передача суммы знаний (*идея университета*).

Вопрос об образовании как специальной передаче знаний впервые ставится в XIX века под влиянием развития промышленности и науки. Социальное разделение труда формирует иные требования к знанию и образованию. Происходит не только дифференциация знания, появление фундаментальных и прикладных наук, отделение инженерии и практических знаний от научных, гуманитарных знаний от естественно-научных и технических, но происходит изменение и целей образования. Социальное бытие человека требует профессионализации, образование начинает пониматься не только как процесс воспитания человека, но и как процесс трансляции и передачи практических знаний. Целью процесса образования становится не формирование самостоятельного мышления, а накопление знаний. Чем больше знаний, тем более человек способен к освоению различных видов практики. Знания становятся утилитарным инструментом деятельности. В образовании и педагогике формируется концепция трудовой школы и *концепция знаний, умений и навыков*.

Изменения XX века привели к радикальной революции в образовании. Социальные изменения, социальное и технологическое разделение труда, дифференциация самого знания привели к тому, что социальное бытие человека становится набором сменных социальных ролей. Психологический концепт «социальной роли» есть лишь отражение действительной дифференциации человеческих отношений в современном мире; социальная роль есть функция определенных социальных отношений [9, с. 45–53, 61–88]. Успешность/неуспешность деятельности человека в современных условиях определяется адекватностью его социальной роли, а точнее – диапазоном таких социальных ролей индивида. Соответственно этому происходят изменения в образовании и требования к знаниям. Во-первых, образование уже не есть процесс воспитания человека, а знания не инструмент просвещения. Во-вторых, образование уже не связано – в этих условиях – с формированием знаний, умений и навыков, поскольку социальные изменения таковы, что знания устаревают уже в процессе обучения, а социальная практика такова, что требуются навыки изменения навыков. Именно с этим связаны два мейнстрима современного образования: концепция *Life Long Learning* и концепция образования *компетентностей*. Для современной практической деятельности требуются не знания, а *умения и компетенции*. Поскольку в условиях инновационного развития современного общества знания и навыки быстро устаревают, требуются умения быстро находить нужные знания и быстро формировать новые навыки. Эти умения постоянно осваивать новые виды деятельности и использовать новые знания и есть компетенции.

Особенность заключается в том, что компетенции позволяют использовать знания, но не знать на самом деле. Это приводит к формированию знаний и навыков «второго рода»: не знаний как таковых («знаний сущностей») и навыков как таковых («средств как таковых»), а знаний и навыков для компетентности, например, навыков постоянной учебы или знаний для поиска новой информации. Это особого рода знания и особого рода навыки профессиональной деятельности. Поэтому в современных условиях меняются цели и характер современного образования. Оно должно давать именно такое «вторичное» знание (знание не «что», а «как») и формировать навык поиска и использования такого знания. Именно это меняет парадигму «теории» и «практики», лежащую в основе европейского мышления вообще.

Это в полной мере касается и менеджмента как сферы профессиональной деятельности. Каких особых знаний, умений и навыков требует управление инновационным развитием?

Во-первых, навыков работы с *идеями*, а не реальными *предметами*. Это навыки продуцирования и управления идеями (образами) будущего и их смыслами. Идеи – это образцы и цели; они носят проективный и смысловой

характер; оперирование ими требует знаний целей и умения продуцирования целей и их полагания как образов достижимого будущего.

Во-вторых, навыков *самоопределения* менеджеров. Цели задают образ будущего, а смысл позволяет самоопределяться относительно организационного и мотивационного контекста целеполагания. Иначе говоря, определяться относительно необходимости достижения этих целей в рамках личностного, группового и организационного развития.

В-третьих, навыков рефлексивного мышления, ибо самоопределения не бывает без *рефлексии* менеджера. Целеполагание и мотивация на целедостижение связаны с пониманием смыслового контекста своей деятельности вообще и ответственности менеджера. Поэтому его деятельность – в отличие от других профессиональных деятельностей – инженера или ученого – напрямую связана с четким пониманием ответственности: во-первых, того, что в процессе управления меняется в социальных отношениях, во-вторых, того, что меняется в смысле их деятельности, в-третьих, того, что меняется в смысле деятельности самого менеджера при соответствующих изменениях [10, с. 35–39].

Именно такого рода знания и такого рода навыки должна давать и формировать система современного образования. Проблема, однако, заключается не только в том, что современные изменения требуют иного типа мышления от современного менеджера. Проблема в том, что эти изменения и их глобальность требуют *нового типа мышления* вообще, отличного от философского разума, научного рассудка и технической рациональности.

4. Менеджмент как новый тип мышления. Можно выделить следующие основные черты нового типа мышления.

Синтез vs анализа. Креативность. Вся европейская культура строится на доминировании анализа перед синтезом, именно потому, что греческая парадигма образца предполагает познание сущности вещи. Отсюда современный интерес к восточным синкретическим культурам в современном менеджменте. Отсюда проблема креативности как ключевая проблема управленческого мышления. Работа с проектами будущего требует не аналитического разложения идей, а продуцирования синтетических представлений. Образ будущего (эйдос, vision) есть схема «проброса» и продвижения в самое это будущее. Будущее не поддается анализу, господствующему в научном и техническом рассудке, скорее, оно есть результат интуиции искусства или философского созерцания. Однако задача управления заключается не в его интуитивном созерцании, а в его проектировании и создании. Каким образом осуществляется этот синтез будущего? Во-первых, оно *проектируется* как эйдос желаемого и, во-вторых, *«простраивается»* в виде *последовательности действий (шагов)* по ликвидации стратегических разрывов. Движение управленческого мышления осуществляется при этом из будущего к настоя-

щему: от возможности к действительности, от эйдоса к конкретному воплощению. Проект будущего осуществляется как *выбор возможного*, а не анализ и экстраполяция действительного (фактического), и *самоопределение* относительно смысла этого возможного. Выработка спектра возможного будущего осуществляется с помощью различных способов коллективной мыследеятельности (brainstorming, think tank, «мыслительный реактор», организационно-деятельностные игры, и др.). Самоопределение носит здесь характер этического (деонтического) выбора смысла. «Простраивание» шагов ликвидации стратегических разрывов осуществляется с помощью различных техник (техники Vision, теории перспектив, техники сценариев и т.п.). Анализ ресурсов при этом является необходимой для определения стратегических разрывов, но не достаточной и подчиненной самоопределению процедурой.

Интуиция vs конечной последовательности шагов. Мышление. Синтез осуществляется как целостное схватывание (в пределе бесконечное) конечных шагов (действий) полагания элементов эйдоса. Образ будущего есть образ, т.е. представление в конечном бесконечного. А потому этот образ выступает как интуитивное схватывание (Фихте contra Кант), которое предшествует развертыванию последовательности мысли. Интуитивная целостность задает «образ» движения к «предмету» (конкретному целевому образу). Это не образ движения «по предмету», как это происходит при анализе вещи, а движения к самому «предмету» как его проектная конкретизация. Иначе говоря, конечная последовательность шагов целеопределения задается внутри самого эйдоса. Эта конечная последовательность шагов целеопределения и есть проектирование, т.е. прорисовка и варьирование возможными вариантами будущего и способов его достижения.

Следует подчеркнуть три особенности такого типа мышления. Во-первых, не образ строится в соответствии с категориями (цели или причины), а категории как формы мысли «определяются» внутри движения к эйдосу. Это «определение» и есть выявление конкретных условий реализации будущего как определение сущности, причин, оснований, целей, условий и т.д., реализации будущего. Категории здесь являются[6] формами мышления не готовой существующей вещи, но задаваемого будущего. Проектирование реализуется как конечная последовательность шагов полагания будущего, причем так, что каждая категория «снимает» в себе предыдущую и, в свою очередь, «снимается» последующей. Во-вторых, в таком случае проектирование оказывается процессом *опредмечивания-распредмечивания*, а именно: оно

[6] «Выступают» в полном смысле, т.е. последовательно проявляются как формы «обмысливания» этого будущего. Но, подчеркнем, они проявляются не как формы мышления существующей вещи *X* (как у Канта), а как определение образа *X* в конкретный образ действия *Y* (как у Фихте). Проект есть не *проблема*, а *задача* (Г. Коген).

оказывается полаганием будущего в форме одной категории и последующим снятием в форме другой категории. Однако суть дела в том, что главным является само это движение такого мышления и конкретизации этого будущего. Образ будущего во время такого процесса конкретизируется сначала и «снимается» как образ будущего, превращаясь в проект действий, затем. При проектировании происходит «перевод» образа будущего из модальности определений «вещественности» в модальность определения «деятельности». Иначе говоря, «предметность» целевого образа есть не «вещественность», но «деятельность» [10, с. 118–122]. Мышление должно быть понято как деятельность не только в операционном плане. Но и в том смысле, что оно, являясь условием реализации проекта, есть неотъемлемая сторона самой практической деятельности. По отношению к деятельности менеджера античное разделение «теории» и «практики» должно быть устранено [11, с. 244–256]. В-третьих, в таком случае проект бесконечен, но не в том смысле, что хороший образ обладает генеративной способностью. А в том, что конкретизация образа в процессе проектирования осуществляется как постоянное изменение образа действия посредством рефлексии. В этом случае проект оказывается всегда частным и подлежащим пересмотру проектом будущего, поскольку в самом процессе его доопределения и конкретизации как деятельности мышления открываются новые возможности самого будущего.

Интуиция движения vs представлений сущности. Самоопределение. Проектирование как процесс деятельности оказывается не просто проектом мышления будущего, но самим процессом его создания. Мышление есть само время, само сотворение времени [14]. Но мышление в проектировании в отличие от мышления в познании есть набросок будущего. Хотя мышление в проектировании направлено от будущего к настоящему (конкретизация образа будущего), сам процесс проектирования направлен в будущее и является фактически сотворением этого будущего. Каждый шаг процесса проектирования оказывается моментом, в котором актуализированное настоящее меньше, чем актуальное потенциальное. Такое возможно только благодаря рефлексии. В познании мышление направляется самой сущностью вещи, в проектировании – целевым образом. В отличие от познания, где рефлексия удерживает мысль внутри сущности предмета, в проектировании рефлексия не просто удерживает мышление внутри проектируемого образа будущего, но именно направляет его в «движении по этому образу» [12, с. 23–34].

Именно поэтому, строго говоря, рефлексия в проектировании оказывается не интуицией самого предмета, а интуицией самой деятельности, актуальным представлением возможного. И именно поэтому она оказывается интуицией *самополагания* мышления будущего (Фихте, Гегель, Маркс, Г.П. Щедровицкий). *Во-первых*, в процессе проектирования всегда происходит изменение первоначального образа будущего – прежде всего потому, что

сам шаг проектирования уже меняет это будущее, открывая новые возможности. Предыдущий шаг мышления полагается как *предметное* условие следующего шага живой деятельности мышления; полагание предыдущего шага «в проект» становится *знанием* для последующего шага в направлении будущего. Предшествующий шаг мышления становится не актом мышления, а элементом самого проекта как условием для дальнейшей деятельности[7] [12, с. 31–34]. В данном качестве этот шаг процесса проектирования осмыслен как элемент проекта, он имеет *смысл* по отношению к цели и как предметный элемент этой цели (образу желаемого будущего) [10, с. 122–137].

Во-вторых, поскольку такое полагание происходит в соотнесении с целевым образом в процессе рефлексии, то самое полагание уже меняет образ цели. Рефлексивное обращение становится условием изменения самого образа будущего, а не просто шагов его реализации (ликвидации стратегических разрывов). В проектировании происходит как бы постоянное изменение цели в процессе рефлексии над движением к ней. Поэтому траектория управленческого мышления описывает как бы открытое и бесконечное движение в будущее с постоянным рефлексивной корректировкой целей (рис. 2). Этот момент рефлексивного контроля и перехода к новому целевому образу в современном проектировании полагается в основу сценарного планирования и теории перспектив [13].

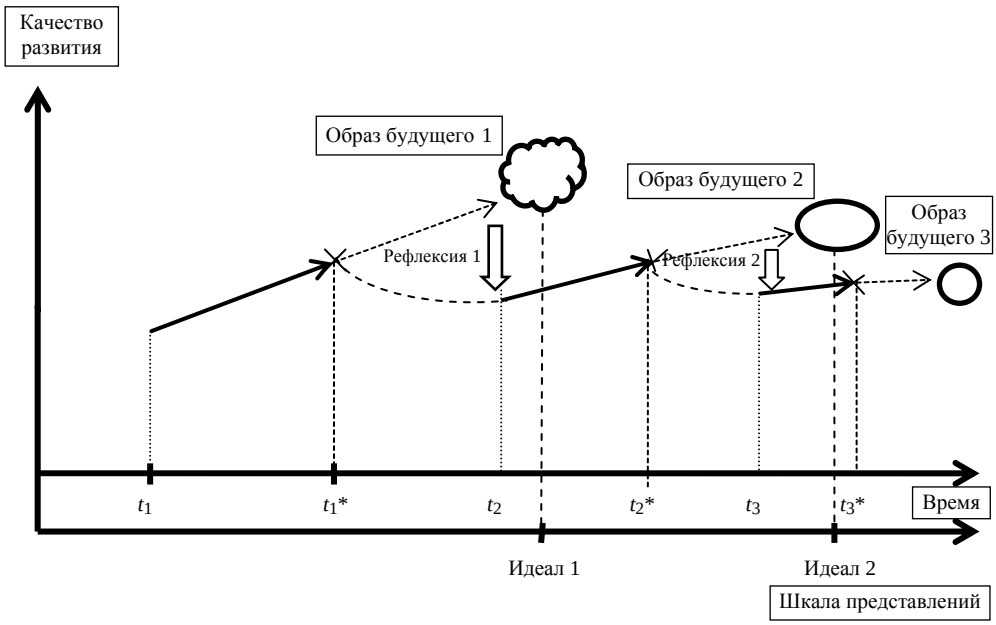

Рис. 2. Рефлексивное управление по идеалам

[7] Это требует понимания эффективности не как «эффекта», а как «продуктивности».

В-третьих, постоянное рефлексивное удержание конечного шага на линии цели предполагает самоопределение менеджера относительно самой цели. Выбор цели есть результат самоопределения в двух простых смыслах. «Определение» цели есть подтверждение «цельности» (ценности) цели и, соответственно, смысловое обоснование необходимости движения к ней. И в этом смысле «определение» и «удержание» цели является оправданием самой деятельности менеджера. Это *экзистенциальное* самоопределение: выбор цели всегда есть субъектный шаг и выбор менеджером самого себя, смысла своей деятельности. Но это экзистенциальное самоопределение менеджера является также условием самого движения к цели, ибо самой траектории движения к цели еще нет, она определяется каждым шагом проектирования. А потому экзистенциальное самоопределение и рефлексивное удержание целевого образа является еще и необходимым прагматическим инструментом проектирования как деятельности управленца [11, с. 325–333]. Рефлексивной «петлей» осуществляется прагматическое самоопределение менеджера в смысле доопределения и постоянной корректировки его деятельности. Для менеджера его деятельность и есть подлинное существование как осуществление будущего. В проекте не только реализуется замысел менеджера, но происходит реализация его как личности и профессионала, наделение его жизни смыслом.

Список литературы

1. Хэмел Г. Менеджмент 2.0: новая версия для нового века // Harvard Business Review – Россия. – 2009. – № 10.

2. Талеб Н. Одураченные случайностью. – М.: Колибри, 2011.

3. Pink D.Drive. The Suprising Trouth abaut What Motivites Us // Rieverhead. – 2009.

4. Бек Д., Кован К. Спиральная динамика. Управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке. – М.: ОлимпБизнес, 2010.

5. Уитли М. Лидерство и новая наука. Открывая порядок в хаотичном мире. – М.: ИНФРА-М, 2011.

6. Жульен Фр. Трактат об эффективности. – М.; СПб.: Мир, 1999.

7. Аристотель. Метафизика. IX, 6. 1048a 30–1048b 9 // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. – Т. 1. – М., 1976.

8. Аристотель. Никомахова этика. VI (Z). 1140a 24 – 1140b 11, 1141b 8 – 38 // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. – Т. 4. – М., 1984.

9. Шабутани Т. Социальная психология. – Ростов н/Д: Феникс, 1998.

10. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология: курс лекций // Из архива Г.П. Щедровицкого. – Т. 4. – М.: Восточная литература, 2000.

11. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность: в 3 кн. – Кн. 1. Структура знака: смыслы, значения, знаки. – М.: Восточная литература, 2005.

12. Громыко Ю.В. Проектное сознание. – М.: Мир, 1998.

13. Линдгрен М., Бандхольд Х. Сценарное планирование: связь между будущим и стратегией. – М.: ОлимпБизнес, 2009.

14. Lauth R. Die Konstitution der Zeit im Bewuβtsein. – Hamburg, 1989.

Получено 15.05.2012

S.V. Komarov

CHANGING THE TYPE OF THINKING IN MODERN MANAGEMENT: THE PHILOSOPHICAL KEY

The article reviews foundations of the paradigm of modern management thinking. Aided by cognitive map key problem areas of modern management have been identified. It has been demonstrated that basic limits for such type of thinking are caused by ancient paradigm of opposition between essence and being of thing, cause and aim, theory and practice, mind and reason. It is pointed out that modern innovative progress demands new knowledge and denial from fundamental grounds set by the ancient thinking paradigm. The key features of a new thinking type in modern management are reviewed, i.e. synthetic character, thinking as activity, reflexivity and self-determination.

Keywords: management, innovations, thinking, knowledge, model, essence, aim, reason, project, means, result, efficiency, reflection, self-determination.